ных особенностей с другими уже опубликованными историческими повестями этого времени, и прежде всего повестями, близкими ей по сюжету чудесного видения.

В литературе известно несколько повестей о чудесных видениях,[18] относящихся к «Смутному времени», но в отличие от них в нашей «Повести» видение не является основным сюжетом, на фоне которого развертываются последующие события. В «Повести о избавлении града Устюга» рассказ о видении можно назвать скорее эпилогом к рассказу о реальных событиях, связанных с нашествием в 1613 г. на Устюг польско-литовских отрядов. По-видимому, отдавая дань времени и религиозным умонастроениям своих читателей, автор в рассказ о построении храма вводит эпизод видения, бывшего якобы некоему Григорию Клементьеву, «в тонок сон вшедшу». По мысли автора, именно это видение побудило устюжан к скорейшему выполнению обета, данного ими во время нашествия врага. Является ли рассказ о видении в «Повести» полностью художественным вымыслом автора или же отражением реальной попытки представителей церкви добиться построения храма путем воздействия на устюжан слухом о видении, сказать трудно. Нам кажется более вероятным видеть в эпизоде с видением художественный вымысел автора, возникший под влиянием других повестей о чудесных видениях, и прежде всего «Повести о чудесном видении в Нижнем Новгороде». Повесть о нижегородском видении, составлявшая, по словам А. А. Назаревского, «своеобразное приложение к отписке вычегодцев пермичам»,[19] рассылалась в 1611 г. по городам Московского государства. В Великом Устюге узнали о «божьем откровении», бывшем якобы «некоему благочестивому (человеку, — *М. К.*) именем Григорию», в октябре 1611 г. от ярославцев. В свою очередь устюжане сообщили о содержании «видения» вычегодцам, а те — пермичам, «списав список с тех вестей божия откровения».[20]

Вполне возможно, что публичное чтение Повести о нижегородском видении было тем реальным фактом, который определил появление сходного эпизода в нашей «Повести». В этой связи примечательно, что имя лица, видевшего видение, в обоих повестях совпадает. Для большей убедительности автор нашей «Повести» добавил лишь фамилию Григория — «Клементьев». Григорий Клементьев поведал о своем видении священнику Григорию (в «Повести» конкретно указана церковь, где последний служил), и тот в письменном послании сообщил воеводе М. А. Нагому о содержании бывшего якобы его духовному сыну видения. «Сие написание» и было прочтено перед всеми жителями Великого Устюга.

Помимо отмеченного нами факта возможного влияния «Повести о чудесном видении в Нижнем Новгороде» на «Повесть о избавлении града Устюга» можно подчеркнуть еще некоторую идейную общность обоих произведений — прославление божьей милости, от которой зависит исход борьбы. В обеих повестях подчеркивается необходимость усердной молитвы и создания храма, однако задачи обоих произведений и их целевая направленность существенно различаются. Повесть о нижегородском видении, написанная в 1611 г., в разгар борьбы русского народа с польско-литовскими интервентами, была предназначена для общерусского читателя и носила в известной степени характер агитационного документа. Наша

---

[18] «Повесть о видении некоему мужу духовну», «Повесть о видении мниху Варлааму», «Повести о чудесных видениях в Нижнем Новгороде и Владимире» (РИБ, т. 13. СПб., 1892).

[19] А. А. Назаревский. Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия, стр. 133.

[20] ААЭ, т. II, стр. 247, № 199.